

Не дожидаясь ответа Чжоу Ци, Хэ Бянь сам вылез из его объятий, затем одним рывком выхватил у него из правой руки фарфоровую пиалу и, прижав к себе, жадно осушил её до дна.

Увидев, что Чжоу Ци собирается заговорить, Хэ Бянь дрогнул веками и торопливо выпалил:

«Брат Чжоу Ци, ты раньше говорил, что объяснишь мне, почему то, что сделала Чжан Мэйлинь, всё ещё недостаточно, чтобы в клане разорвали со мной родственные связи».

Чжоу Ци посмотрел, как тот пьёт слишком поспешно — вокруг его рта остался белый налёт. Он поднял руку, указал на это и сказал:

«Посмотри на старуху У. Она утопила собственную новорождённую дочь и даже скормила её свиньям. Такая бесчеловечная, чудовищная жестокость не вызвала в деревне ни малейшего отклика. Сам понимаешь: то, что с тобой сделала Чжан Мэйлинь, в глазах деревенских — пустяк».

Хэ Бянь, поспешно вытирая уголки рта, на мгновение замер; в его взгляде мелькнула безнадежность. Неужели выхода нет? Без получения прописки ему остаётся лишь уйти в горы и жить дикарём — с его-то телосложением, боюсь, зверю и на два укуса не хватит.

Однако он не пал духом. Теперь в деревне с ним обходились почти как с мелким властелином — он ещё сможет понемногу найти себе путь.

Вдруг что-то вспомнив, Хэ Бянь поднял на него глаза и с надеждой произнёс:

«Брат Чжоу Ци, так ты, оказывается, вовсе не глупый».

Чжоу Ци заметил в его глазах смущение и вину, но понимал: при положении Хэ Бяня, если бы он с самого начала не принял его за простака, тот наверняка держался бы настороже — и тогда между ними не возникло бы этой близости.

Чжоу Ци сказал:

«Не волнуйся, выход всегда найдётся».

Хэ Бянь кивнул. Прислушиваясь к тому, как снаружи дождь льёт всё сильнее, он оживился, глаза и брови заиграли:

«Слышишь? Я же говорил — будет дождь, значит, будет! Пусть все, кто сомневался во мне, теперь дрожат!»

Сказав это с воодушевлением, он с любопытством взглянул на Чжоу Ци. Под его внимательным взглядом он сжал ладони, набрался странной смелости и спросил:

«Брат Чжоу Ци... раз ты теперь не глупый... ты вспомнил свою семью?»

Только что Чжоу Ци сказал, что он — самый близкий человек в этом мире. При мысли о его семье Хэ Бянь невольно занервничал.

«Только ты один. Больше никого нет». ответил Чжоу Ци.

Впервые глаза Хэ Бяня засияли так ярко; он радостно воскликнул:

«Вау!»

Но, заметив спокойное выражение лица Чжоу Ци, тут же смутился:

«П-прости, я не это имел в виду...»

«Ничего».

Увидев, как его взгляд потускнел, Чжоу Ци немного подумал и добавил:

«Я тоже рад».

И правда — он заметил, что теперь его сердце откликается на перемены Хэ Бяня: когда тот плачет, у него сжимается внутри; когда радуется — становится легко и приятно.

И вот сейчас, увидев, как глаза Хэ Бяня снова засияли, уже без прежней глухой мрачности, уголки губ Чжоу Ци невольно дрогнули.

«Брат Чжоу Ци! Ты... ты улыбнулся! Улыбнись ещё раз!»

Однако Чжоу Ци больше не смог изобразить на лице улыбку, и Хэ Бянь лишь тяжело вздохнул один за другим.

Разве бывает, чтобы человек не умел улыбаться? Хэ Бянь не верил. В тесном, замкнутом пространстве, где были только они вдвоём, это чувство — полагаться друг на друга, словно на единственную опору, — легко стирало границы. Хэ Бянь протянул руку и принялся щекотать Чжоу Ци под мышкой. Тот остался совершенно неподвижен, зато сам Хэ Бянь, глядя на него, снова расхохотался.

Чжан Мэйлинь, всё это время тревожно стоявшая под навесом, услышала доносящийся из комнаты громкий смех и на мгновение погрузилась в сомнения и догадки. Она лишь боялась, что Хэ Бянь вдруг что-то вспомнил и от злости сошёл с ума.

Иначе откуда бы взяться такому смеху? Хэ Бянь всегда лишь тихо улыбался, с сомкнутыми губами, беззвучно.

Впрочем, подумав, она решила, что этот дурачок и вправду необычайно способный — даже обезумевшего Хэ Бяня сумел усмирить в одиночку. А ведь когда тому было семь-восемь лет и он впадал в бешенство, одному мужчине его было не удержать — приходилось ей помогать.

От этих воспоминаний Чжан Мэйлинь стало не по себе, особенно когда она видела, что ливень не собирается стихать, а наоборот — разошёлся ещё сильнее.

И ведь Хэ Бянь всё точно предсказал!

«Я же говорила, Хэ Бянь не ошибся! Хорошо, что я тогда днём и ночью работала без передышки — все грядки с кукурузой подняла, канавы прокопала для отвода воды» - радостно сказала Тан Тяньцзяо, глядя на дождь.

Старейшина Тянь, глядя на этот ливень, будто выливаемый с небес, что прямыми потоками обрушивался на тёмно-зелёные горы, тяжело вздохнул. В начале мая кукуруза только-только пошла в рост, выбрасывая метёлки и рыльца — как ей выдержать такой дождь?

И без того ясно: листья наверняка побьёт ливнем, а молодые растения, ещё не успевшие крепко укорениться, ветер повалит на землю.

Старейшина Тянь вздыхал без конца и, позвав всю семью — от старших до младших, — повёл их под проливной дождь, чтобы хоть как-то спасти посевы.

Проходя мимо дома старухи У, старейшина Тянь поспешно велел своим домочадцам идти быстрее — не то непременно попадутся ей под руку и выслушают поток насмешек и упрёков. Однако под навесом у дома У было оживлённо: её муж, сын Тянь Далян, Тянь Саньнян и три дочери суетились, подставляя деревянные тазы под дождь; наполнят — и тут же выливают в выгребную яму, заодно запасая жидкое удобрение.

У старейшины Тяня язык был без тормозов — и он невольно выпалил то, о чём меньше всего хотел спрашивать:

«Гуаншань, а твоя жена дома не осталась?»

Муж старухи У, Тянь Гуаншань, ответил:

«Эта баба всю ночь не спала — гроза, гром и молнии... А сейчас...»

Старейшина Тянь тут же ухватился за повод поддеть:

«Да что ж это за изнеженная старуха такая? У тебя пятилетняя внучка трудится не покладая рук, а она, значит, дрыхнет, ленится! Не зря в деревне говорят, что ты...»

«Да нет же! Она с утра пораньше ушла к родне!»

«К родне? Зачем это?»

У старухи У ведь почти не осталось родственников: родители давно умерли, старшие братья с жёнами тоже почти все ушли, а с племянниками и племянницами связь уже дальняя.

Без серьёзной причины замужняя женщина обычно не возвращается в родной дом.

Тянь Гуаншань сказал:

«Говорит, хочет собрать родню и привести посмотреть — мол, в нашей деревне появился настоящий провидец. Говорит, у нашей деревни Тянь, видно, предки на небесах задымили — родился живой предок».

Старейшина Тянь опешил. Ливень намочил его редкие седые волосы, ветер хлестнул по лицу; он небрежно вытерся рукой:

«Да, да... кто бы мог подумать, что Хэ Бянь и правда всё так точно предскажет. Я тогда ещё думал — не может быть никакого ливня... эх, выходит, это я подвёл всех. Иначе, может, люди в деревне заранее бы подготовились».

Тянь Гуаншань покачал головой:

«Так думать нельзя. Ты ведь никому не мешал. Вон Тянь Дэфа — до сих пор ходит и твердит, что от такого дождя ничего не будет».

Тянь Дэфа ещё ночью проснулся от грома и уже не смог уснуть. А когда вслед за раскатами хлынул ливень, у него на душе стало тревожно, словно у муравья на раскалённой сковородке.

И ведь Хэ Бянь и вправду угадал.

Теперь деревенские, похоже, ещё больше попадут под влияние Хэ Бяня — он будет водить их за нос, как захочет. Так дальше и вся деревня станет жить по его слову. Как это — позволить какому-то приёмышу, да ещё и мальчишке геру, взобраться всем на голову и командовать?

Поэтому с самого утра Тянь Дэфа стал обходить дом за домом, уговаривая:

«Да этот Хэ Бянь — просто слепая кошка, что наткнулась на дохлую мышь! Столько лет ему не везло, а тут вдруг случайно угадал — повезло, как с собачьим дерьмом. Да этот ливень через пару дней и так закончится — чего вы суетитесь? В поле ведь не какие-то нежные ростки, что не выдержат дождя. Кукуруза уже выше человеческого роста, корни крепкие — разве её таким дождём повалишь?! Только не вздумайте равняться на старейшину Тяня. Да, в нашей деревне самым трудолюбивым был Хэ Бянь, а вторым — он. Но посмотрите: всю жизнь надрывался — а в итоге стал ли есть больше других или одеваться лучше? Живёт в той же старой, разваливающейся хижине, что осталась от предков. Работал до изнеможения всю жизнь, а в дождь даже плаща из соломы нет. Вот и берите с него пример — берегите не себя, а урожай. Заболеете — тогда и вправду жизнью за поля расплатитесь».

После этих слов у многих крестьян пропало желание выходить под ливень спасать посевы. Да и правда: дождь бил по рукам с треском, от одного звука по коже шёл холод. Простуду ещё можно перетерпеть, но если не справишься — что тогда, жизни лишиться?

Хотя в поле они не пошли, в душе многие винили Тянь Дэфу. Но он был старшим по роду, с высоким положением — никто не решался высказать ему это в лицо.

Глядя на бескрайний ливень, будто разлившееся море, деревенские всё больше тревожились. Прошёл целый день, а дождь нисколько не ослабел. В конце концов люди не выдержали и один за другим стали приходить к дому семьи Тянь, чтобы спросить у Хэ Бяня:

«Сяо Хэ, скажи, когда этот дождь закончится?»

«Сяо Хэ, может, попросишь предков, пусть они остановят дождь?»

Хэ Бянь сделал вид, будто что-то вычисляет, шевеля пальцами, и сказал:

«Дождь — это дело Драконьего царя, разве предки могут управлять таким? Через три дня прекратится».

Услышав точный срок, люди немного успокоились.

Три дня — вроде немного, но для тех, кто живёт за счёт земли, это почти как ждать казни с ножом у горла каждый день.

И вот, наконец, настал долгожданный третий день.

Но ещё до рассвета, когда люди поднялись, ливень всё так же не прекращался. Ручей у домов превратился в бурный поток мутной воды, с грохотом несущийся вперёд.

Может, ещё слишком рано... вот рассветёт — и тогда дождь прекратится?

Деревенские молились, надеясь, что Хэ Бянь действительно не ошибся.

Но когда рассвело окончательно, дождь, наоборот, только усилился.

<http://bllate.org/book/17226/1616993>